

УДК 33

DOI 10.21661/r-556521

*Бодров А.Г.***ОФШОР КАК ИНСТРУМЕНТ КОРРУПЦИИ В РОССИИ**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос взаимосвязи таких понятий и институтов, как офшор, коррупция и вывоз капитала. Автор обращает особое внимание на точное использование терминов и понятий, применяемых в сфере контроля за соблюдением законности финансовых операций. Рассмотрены проблемы противостояния государства и бизнеса, генезис категории «офшор», его трансформация и имплементация в российскую экономику. С точки зрения экономики транзакционных издержек стратегия поведения бизнеса анализируется в экзистенциальном противостоянии с государством и мотивацией выбора бизнесом тактики выживания. В связи с этим особое значение уделено влиянию складывавшегося политического и институционального рынка на процесс имплантации офшора в российскую экономику.

Ключевые слова: офшор, коррупция, обналичивание денежных средств, легализация доходов, взятка, откат, институциональный анализ, незаконный доход, налоги.

Введение

Исследование офшоров и офшорного бизнеса в России активизировались на рубеже 2000-х годов. В предмет теоретических исследований стал включаться все больший круг проблем и вопросов, что способствовало уяснению закономерностей и форм деятельности офшорного сектора и офшорного бизнеса. Механизмы ведения офшорного бизнеса и получения через него реальных экономических бенефиций существенно дополняют систему косвенного воздействия государства на экономику. Поэтому меняется величина налогов и трансфертов (в том числе субсидий), поскольку они воздействуют на экономику опосредовано – через изменение величины потребительских и инвестиционных расходов. Изменяются и потребительские (поскольку меняется располагаемый доход), и

инвестиционные расходы (поскольку сохраняется от налогообложения прибыль, являющаяся источником чистых инвестиций). Рост налогов, сокращая совокупный спрос, увеличивает финансовые возможности государства, но снижение налогов увеличивает совокупный спрос, обеспечивая большую активность коммерческих акторов экономики.

Среди круга рассматриваемых вопросов можно, в частности, выделить уточнение понятийного аппарата и содержания терминов.

С одной стороны, офшоры являются продолжением национальных экономик. Но с другой стороны, офшоры – это важный сегмент мировой экономики и составной компонент мирового финансового рынка. И в том, и в другом качестве офшоры уже давно переросли прежние функции территорий просто низконалоговых убежищ, обеспечивающих экономию бенефициаров, собственников компаний – резидентов тех или иных стран. Также офшоры можно рассматривать как особый офшорный сектор мировой экономики, который отличается тем, что носит наднациональный характер.

При рассмотрении проблемы ухода от налогов в инвестиционном контексте особое внимание уделяется роли офшорных компаний в качестве одного из инструментов коррупционных схем. На современном этапе исследования офшоров накопление таких данных может обеспечить дальнейшее повышение эффективности проводимой Россией экономической политики.

1. О терминах и понятиях

Прежде чем рассмотреть место и взаимосвязь таких категорий, как «офшор» и «коррупция», необходимо остановиться на рассмотрении и уточнении связанных с ними понятий: «отмывание (легализация) доходов», «экспорт капитала», «обналичивание денежных средств», «откат» и др.

Зарубежные акты по вопросу «отмывания денег» характеризуют легализацию незаконных доходов как процесс, при котором имущество, получаемое, приобретенное или аккумулируемое вследствие незаконной деятельности, скрывается либо перемещается с целью прерывания преступной цепочки [4, с. 1]. Но не только прерывания, но и сокрытия этой цепочки. В результате отмывания

получивших легальную окраску доходов, преступник, который ранее получил их как нелегальный доход, например, от продажи наркотиков, получает возможность декларировать официальный доход и легально пользоваться средствами, изначально имеющими криминальную природу. Две основные характеристики отмывания были определены в 1993 г. политологом и экономистом Мшиандро [24, с. 243–297]:

– *незаконность* (общая характеристика) – отмывание доходов предполагает использование средств, происходящих из незаконной деятельности;

– *сокрытие* (специальная характеристика) – основная цель отмывания денег – это сокрытие криминального источника происхождения указанных средств.

И вот здесь начинаются тонкости:

Во-первых, речь идёт не о «незаконной легализации (отмывании) доходов» (как подчас это словосочетание используется в публикациях), т.к. сама по себе «легализация» не может быть «незаконной», а речь идёт о легализации именно *незаконных* доходов. Т.е. необходимо прежде всего не только определить источник доходов, но и доказать его незаконность! Но доказать, констатировать и декларировать наличие незаконного деяния, правонарушения может только суд! Следовательно, все изыски, чтобы не говорить «происки», налоговых, правоохранительных и прочих контролирующих и силовых органов являются не более чем предположением «хайли лайкли». Законные доходы не требуют никакой «легализации», а само это понятие (и действие, явление) возникает именно тогда, когда речь идёт именно о «сокрытии криминального источника происхождения указанных средств». И только тогда по отношению к этим средствам и возникает термин «легализация». В таком свете легализация выступает, как вторичное явление, как категория, зависящая и зависящая от характера доходов, и возникает (как понятие) только в случае и после установления именно незаконности доходов. Категория «легализации» является функцией *установленного* незаконного происхождения средств. И для чистоты понимания следует всё же уяснить и разделить, что именно является по законодательству незаконным – именно

легализация (как действие) или всё же доходы (как объект этого действия). Если доходы не обладают незаконным характером, то «легализация», как термин, как понятие даже и не возникает.

Однако не только в СМИ и разговорной речи, но и в научных, и в нормативных документах при использовании словосочетания «отмывание доходов» негативная коннотация придаётся именно слову «отмывание» (или «легализация»), т.е. подразумевается, что если со словом «доход» использовано одно из слов – «отмывание» или «легализация», – то это уже характеризует сам доход, как априори незаконный. А вместо доказывания незаконного характера дохода считается достаточным просто навесить на него ярлык «отмывания». Что противоречит логике и здравому смыслу.

Во-вторых, что непосредственно связано с первым, это позиция финансовых властей. Так глава Центрального банка России Эльвира Набиуллина, в своё время заявила, что в январе-сентябре 2013 г. из России по сомнительным основаниям вывели около 22 млрд. долл. США [12]. Но ведь экспорт капитала из страны может быть явлением и положительным в виде инвестирования в зарубежные проекты, мероприятия и фирмы. К примеру, как попытка консорциума компании Magna и Сбербанка купить 55%-й пакет акций компании Opel в 2009 г. А вывоз или бегство частного капитала вместо его инвестирования в национальную экономику, явление хотя и негативное, требующее анализа, противодействия и вмешательства, *но не криминальное!*

Вывозиться могут и вполне легальные, законные доходы, они наверняка входят в указанную выше сумму, по чисто экономическим или политическим причинам (плохой инвестиционный климат, правовой «беспредел», высокие налоги, отсутствие уверенности в перспективах и ещё масса причин). Но «сомнительные основания» глава ЦБ РФ относит почему-то именно к вывозу, экспорту капитала, а опять же не к характеру или происхождению этих средств! И сами по себе подобного рода такие определения, как «сомнительные», «подозрительные» и иже с ними не имеют ни юридического, ни экономического смысла, но

навязчиво отдают тем самым «хайли лайкли» (см. выше), а отнюдь не правовым подходом с опорой на бесспорные, доказанные факты и категории законодательства.

В-третьих, зарубежные исследователи тоже не всегда отличаются точностью и адекватностью определений и формулировок, из-за чего страдает и представляемая ими статистика, и выводы. К примеру, согласно результатам исследования, проведенного международным институтом Global Financial Integrity, из России за 2011 г. был незаконно вывезен \$191 млрд [10]. Но определение и применение понятий «незаконно» и «законно» не находится в компетенции подобного рода организаций и не может использоваться никем до вынесения решения о характере (криминальном или нет) объекта исследования.

Потому подчеркнём вопрос, что же именно является, пусть даже по мнению Global Financial Integrity, правонарушением, «незаконным» деянием: сам по себе вывоз (нарушивший какие-либо нормы валютного регулирования) или всё же источник средств, доходы, полученные преступным путём? Совершенно же очевидно, что одно не есть другое! И не следует путать происхождение (преступное или нет) и использование (правомерное или нет). Другими словами, юридически, и по редактуре, следовало бы правильно написать: «был вывезен \$191 млрд. долл., доказанных Судом *незаконных доходов*». А уж как вывезли – дело совершенно другое и вторичное.

В принципе, все участники валютных сделок в вопросах валютного регулирования максимально стараются обеспечить безукоризненную документальную базу, основу и основания для вывоза капитала. Нарушение норм валютного регулирования фиксируется и пресекается достаточно эффективно. А потому само понятие, словосочетание «незаконный вывоз» не только является нонсенсом, но и вызывает вопросы типа «А куда же смотрели контролирующие органы, если вывоз был незаконен, документы не соответствовали действительности, а сделка была притворной?» или «А всё ли хорошо у нас с нормативной базой валютного регулирования, если *можно* деньги вывезти *незаконно*?». При этом, что следует подчеркнуть, при таких акцентах остаётся в стороне и вообще не

рассматривается вопрос вывоза вполне легальных, законных «юридически чистых» доходов. Ведь мы говорим о характере (характеристике) «вывоза», а не *доходов*! При таком подходе к использованию терминов, который используется повсеместно, в т.ч. и с высоких трибун, размывается суть проблемы и теряется объект анализа.

То же самое можно сказать и про процесс, так называемого, «обналичивания денежных средств». Сам по себе процесс обналичивания денежных средств («обнал») по сути своей не может являться преступным деянием. Преступный характер этого деяния проявляется (и существует) не сам по себе, а только во взаимосвязи и *после* определения характера обналичиваемых средств. Т.е. только после определения источника происхождения, характера самих средств можно говорить о сути процесса «обналички». Например, если это бюджетные средства, предназначенные для инвестиций и перечисленные подрядчику, или (другой вариант) средства предприятия (фирмы), с которыми оно приняло ряд действий, позволяющих обналичить (пусть даже свои) денежные средства в обход уплаты налога, скрывая от налогообложения, – тогда такой «обнал» действительно является частью, элементом, этапом преступного деяния.

Но дело в том, что первоначально *требует доказывания* неправомерность и незаконность направляемых на «обналичку» средств – доказывание, что они именно бюджетные или выведены из налогооблагаемой базы (завышением себестоимости, цены) и это именно противозаконно. А само выражение «незаконное обналичивание денежных средств» представляется таким же неправомерным, как и «незаконная легализация (отмывание) доходов». Ведь на самом деле речь идёт об обналичивании именно *незаконных доходов и денежных средств* (т.е. средств или полученных незаконно, или для обналичивания не предназначенных!).

Потому не выдерживают никакой критики заявления и позиции некоторых должностных лиц, подобные, к примеру, словам руководителя «Проекта национального развития» Андрея Черепанова: «Борьба с отмыванием – это борьба с безналичными деньгами. Обналичивание – это загрязнение денег, совершенно

обратный процесс. Постоянно наши руководители подменяют понятия. Так вот, ни в коем случае нельзя бороться с отмыванием денег. Пусть отмываются, даже если преступные доходы. Это только позитивно будет для экономики, для общества в поиске преступников в дальнейшем и преступных доходов. Но, конечно, нужно жесточайшим образом, если мы полагаем, что это надо, бороться с обналичиванием денег» [15]. Во-первых, «*пусть отмывают*» сказано весьма смело при нацеленности государства на борьбу со всем незаконным. А во-вторых, не знаю, удивит ли кого-то, если я скажу, что *каждый из нас постоянно* занимается «обналом» – подходя к банкомату, чтоб снять свои деньги с карты. Значит, опять же речь идёт не о процессе, не об этом явлении, как таковом, а о целях, *размерах* и происхождении средств «обнала». Но тогда так ведь и надо писать – аккуратно, уточняя термины, темы, объект и предмет дискуссии.

При этом, однако, если сделка по выводу средств (в т.ч. и на «обналичку») оформлена должным образом, всеми необходимыми документами и имеет материальное подтверждение (в виде товара), то придаться к такой сделке практически невозможно (даже при завышенной цене, имеющей на рынке весьма широкий разброс). А в нашем законодательстве, вдобавок, нет никаких категорий, понятий и определений типа «фирма-прокладка», «фирма-однодневка», «подставная фирма», «откат» и т. д., что само по себе также требует доказывания, но не придинок силовых структур в форме «*это хайли лайкли, а ты докажи обратное*».

В том-то и дело, что гражданское производство (гражданский иск) предполагает презумпцию вины, когда ответчик должен доказать свою добросовестность, но когда речь идёт о «преступлении» – категории, применимой исключительно в уголовном праве, – тогда-то презумпция невиновности и выходит на первый план (в т.ч. и по экономическим преступлениям – глава 22 УК РФ), требуя доказывания не только вины, но и умысла. А сложившаяся, к сожалению, практика, когда «телега ставится впереди лошади», как раз и является тем инструментом давления государства на бизнес, который и заставляет бизнес «бежать за рубеж», вывозить капиталы и о котором говорит уполномоченный по

правам предпринимателей при Президенте РФ Борис Титов: «80% дел против бизнесменов не доходит до суда, но никто не возместит репутацию и разрушенный бизнес» [18]. К примеру, только по ст. 145.1 УК РФ (Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат) обвинительным приговором заканчивается всего 15% дел, а значит это просто средство давления чиновничества на бизнес; при этом доказать корыстный умысел или личную заинтересованность подозреваемого практически никогда не удается [18]. Об этом же ещё в 2015 г. наш президент с возмущением говорил в своем послании Федеральному собранию, по его словам до суда доходит не более 20% возбуждённых дел. Но с тех пор не только почти ничего не изменилось, но количество дел, возбужденных против предпринимателей, продолжает расти – с 2012 г. число возбужденных уголовных дел выросло более чем в 2 раза, в 2017 г. их было уже 241397, при этом число приговоров – выросло всего на 16% [19]. Но бизнес всех подследственных был парализован, разрушен, исчез, да и их судьбы загублены.

Нельзя отрицать, что подобные действия следственных органов как раз и являются одной из форм коррупции, одной из форм вымогательства денег у бизнеса, способом принудить представителей бизнеса откупиться, заплатить за свою свободу, за прекращение уголовного дела. Другой формой можно назвать заведомо завышенные налоговые претензии (требования) к фирмам со стороны ФНС с «намёком» в личной беседе, что эти требования можно, конечно, и уменьшить до разумных пределов (иногда в десять раз!), но за некий процент «благодарности». Совсем же отменить требования, конечно же, нельзя – независимо от их обоснованности – «Не согласен – иди судись. Ведь мы же должны демонстрировать свою работу по возврату в бюджет денежных средств, нам же отчитываться надо, показать свою значимость, что мы и наша работа нужны».

Однако все эти процессы и явления, так или иначе связаны с понятием «коррупция». Определение категории «коррупция» приведено в Федеральном законе от 25.12.08 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование

физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [1]. Обращает на себя внимание ряд деталей. Во-первых, принадлежность коррупционера к лицам, облечённым властью, прежде всего к представителям государства. Во-вторых, использование своего служебного положения (в своих интересах или в интересах третьих лиц). И третье – бенефициарами противоправных действий коррупционера могут быть и юридические лица.

В большом количестве работ (и словарей) даются самые разные и весьма различные определения коррупции, но что является общим во всех определениях коррупции – «...это то, что коррупция связана с лицами, наделенными какой-то властью. И если на начальных этапах определения понятия «коррупция» вопрос касался только государственной, политической власти, то с развитием тенденций глобализации в понятие «коррупции» стали включаться все лица, наделенные властью» [21, с. 427]. При этом эти лица могут быть на любой должности и любого уровня.

Но сам этот термин не следует путать с понятием «олигархия», которую можно определить, как сращивание капитала с политической властью, что выражается в сосредоточении власти в руках сравнительно малочисленной группы граждан (олигархия в переводе с греческого – «власть немногих» от ὀλίγος «малый; краткий» + ἀρχή «начало; власть»). Власть при этом режиме может принадлежать, например, представителям крупного монополизированного капитала и обслуживать их личные и групповые интересы, а не интересы государства в целом. Олигархи (члены олигархии) могут либо сами быть членами правительства, либо оказывать решающее влияние на его формирование и принятие решений в своих личных и групповых интересах. При этом предполагается, что все олигархи – достаточно состоятельные люди, миллионеры и миллиардеры, но не

всякий миллионер – олигарх, если он не связан с политической деятельностью и властью. Таким образом, хоть олигархия и выступает негативным явлением, но, по сути, формально не имеет криминального характера в отличие от коррупционеров у власти (которые в частном случае могут стать и олигархами).

Соотношение этих терминов таково: общее – и те, и другие имеют отношение к власти и к принятию решений от лица государства; и те, и другие могут использовать своё положение в личных интересах и/или в интересах связанных с ними третьих лиц (в т.ч. и юридических); и те, и другие личные интересы, обогащение ставят выше интересов общества (и государства), которое они представляют. Различие – как сказано выше, предполагается определённый уровень богатства олигарха в то время, как коррупционером может быть рядовой сотрудник (предполагается, что и не очень богатый; изначально, по крайней мере) налоговых, следственных и иных государственных органов. Кроме того, если действия олигарха носят легитимный характер (формально – в рамках закона), то действия коррупционера (по «монетизации» своего положения, должности) противозаконны изначально. Помимо этого, различие в занимаемом ими положении – предполагается, что олигарх находится на самом вершине пирамиды государства или очень близок к самым верхним эшелонам власти, а коррупционером может быть практически любой чиновник или служащий. При этом олигарх так же может оказаться коррупционером, если будет доказано, что он *противозаконно* использовал своё положение в личных целях, для личной выгоды или выгоды своих (и/или близких к нему, аффилированных с ним) бизнес-структур. Проблема только в том, что пока олигарх у власти, доказать это практически некому, а все его действия считаются законными.

Существует точка зрения (отражённая в т.ч. и в ряде научных работ, и в публикациях), что коррупция имеет и положительные свойства. Потому давайте определимся, что именно мы считаем пагубным и о чём мы говорим, используя категории олигархии и коррупции. В этом смысле становится очевидным, что самое главное – это *приоритеты!* Если человек на некоей должности ставит во главу угла интересы, цели и приоритеты государства, то совершенно неважно,

насколько он богат, является ли он миллионером и понятие (определение) «олигарха», по сути, к нему не применимо (пример Дональда Трампа). Если же человек во главу угла ставит личные интересы, своё обогащение и «дополнительные» доходы, то совершенно неважно, какую именно должность, насколько высокую или низовую позицию он занимает – он в любом случае коррупционер (пример П.А. Порошенко или простого налогового инспектора).

II. Об институте коррупции и стратегии бизнеса

Анализ коррупции и её проникновения в самые различные сферы российской экономики целесообразно осуществлять на основе институциональной концепции. Институциональный подход к анализу коррупции дает возможность комплексного рассмотрения всех аспектов этого явления в его взаимосвязях с другими институтами, с внешней средой, во взаимодействии формальных и неформальных правил и в процессе его качественных и количественных изменений.

Дуглас Норт рассматривает институт в виде совокупности «правил, механизмов, обеспечивающих выполнение социальных, экономических и политических взаимодействий и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [14, с. 17]. Здесь важно то, что правила и механизмы взаимодействий и норм поведения снижают неопределенность, которая характерна для отношений и сделок в хозяйственной жизни современной России. Здесь следует отметить, что эта неопределённость порождается самими институтами государственной власти (посредством преумножения неопределённых, размытых, противоречащих иногда друг другу нормативных актов) или их представителями (посредством требований и проверок).

В другом определении, данном Э. Остром, сделан упор на вариативности правил, регулирующих поведение людей в зависимости от того, кто имеет возможность или получает права устанавливать те или иные ограничения и разрешения: «Институты» можно определить как совокупности действующих правил, на основе которых устанавливается, *кто имеет право принимать решения* в соответствующих областях, *какие действия разрешены* или ограничены, какие

общие правила будут использоваться, каким процедурам необходимо следовать, какая информация должна предоставляться, а какая нет, и *какой выигрши получают индивиды в зависимости от своих действий*» [26, с. 51] (выделено мной). Именно это определение практически полностью совпадает и в наибольшей степени соответствует обстоятельствам появления и проявления коррупции. И поскольку феномен коррупции полностью подпадает под это определение, на этом основании можно утверждать, что коррупция по своей сути представляет собой именно институт современного общества, который существует практически во всех государствах самых различных экономико-политических систем и который практически неуничтожим, несмотря на любые старания и борьбу с ним государств любого уровня развития (способных только держать этот феномен на определённом уровне и в определённых рамках).

Следует добавить, что сама категория института не обязательно должна быть закреплена в нормативных актах, в праве и регулироваться правовым образом. Ведь есть масса институтов, регулируемых не правовым образом, а обычаями, традицией и привычками (социальные институты – воспитание, досуг, искусство и т. д.). С этим же согласна и профессор А.В. Шашкова, утверждая, что в 1990-е годы «желание сделать все быстро и нецивилизованно превратило коррупцию *в институт*, который стал работать сам на себя» [21, с. 438] (выделено мной). И далее: «Коррупция в России выстроилась *в стройную систему*, основывающуюся на строгом *регулировании* экономики властью» [21, с. 464] (выделено мной). В подтверждение принадлежности коррупции именно к институтам (а не к институциям, к примеру) можно привести ещё одно определение, подчёркивающее, выделяющее элемент принуждения в категории института, как его часть: «Обязательной характеристикой института является наличие механизма принуждения, отрицательных и положительных стимулов к исполнению правил института» [20, с. 40]. Именно принуждение в форме вымогательства и вымогательство посредством принуждения со стороны государственных или иных ту или иную власть предержавших лиц является характерной чертой коррупции (проверки налоговиков или отказ в принятии очевидных решений).

В аспекте взаимодействия этого института с внешней средой, с другими институтами просматривается некий треугольник «государство-коррупция-бизнес». При этом под «бизнесом» следует понимать не только крупные корпорации и «монстров» экономики, но – в том числе, если не прежде всего, – средний и мелкий бизнес. Доля малого и среднего бизнеса в российской экономике в настоящее время составляет 21,9%, по стоимости это несколько превышает 20 трлн. руб. (оценка за 2017 г.) [16]. Соответствующие данные на своем сайте впервые опубликовал Росстат. По данным ФНС на 10.01.17 насчитывалось 5,8 млн. юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, отвечающих критериям *малого и среднего предпринимательства* (МСП), а число занятых в МСП в 2017 г. составило 15,8 млн. человек [27]. Т.е. не такой же он и малый – этот средний бизнес. Да, МСП не так велик, как хотелось бы и как было бы необходимо для нашей большой страны. Но и не так уж мал, чтобы диалог и отношения государства и бизнеса сводились бы к диалогу государства только с крупными корпорациями, с крупным бизнесом, оставляя МСП за бортом, в стороне от этого диалога. Ведь вся эта масса юридических и физических лиц является субъектом, участником (в той или иной мере), контрагентом коррупционных отношений в т.ч. и с представителями государства. Практика показывает, что в наибольшей степени взятки вынужден давать именно малый и средний бизнес [21, с. 476].

Не следует думать, что широкое распространение коррупции характерно только для нашей страны. В США весьма развита система лоббизма – узаконенного продвижения интересов определённых кругов и лиц на коммерческой основе. В европейских государствах до 1996 г. расходы на взятки иностранным должностным лицам относились к категории накладных расходов, способствующих продвижению европейских товаров, и подлежали вычету при формировании налоговой базы, т.е. объект налогообложения уменьшался на данные расходы, позволяя на законных основаниях не платить налоги со взяток [21, с. 240], а до 1999 г. иностранным филиалам немецких концернов не запрещалось «поощрять» иностранных госслужащих [21, с. 481]. Т.е. в западных странах процесс институализации коррупции реализовался гораздо раньше, чем в России.

Как размеры, так и пагубность коррупции для российской не только экономики, но и государственности отмечал ещё известный американский политолог Збигнев Бжезинский, утверждавший, что он не видит ни одного случая, в котором Россия могла бы прибегнуть к своему ядерному потенциалу, пока в американских банках лежит 500 млрд. долл., принадлежащих российской элите. Также он поставил следующий вопрос: «Вы еще разберитесь, чья это элита – ваша или уже наша. Эта элита никак не связывает свою судьбу с судьбой России. У них деньги уже там, дети уже там» [11]. Данное высказывание человека, которого никак нельзя назвать большим другом России, с удивительной точностью показывает взаимосвязь и соотношение таких понятий и явлений, как «коррупция» и «олигархия». И роль такого критерия, как приоритет.

При этом бизнес, вынужденный сталкиваться с коррупцией, находится в заведомо подчинённом положении относительно государства и выступающих от его имени коррупционеров. При таком положении у бизнеса есть только два пути – или идти по пути коррупции, подкупа должностных лиц (для «смазки» предпринимательского процесса), или создавать и использовать набор организационно-финансовых инструментов для сохранения своих доходов и бизнеса в целом (офшор, различные финансовые схемы, завышение себестоимости, трансформация таможенных платежей и т. д.).

Первый путь непосредственно связан с таким явлением, как «откат», суть которого в том, что должностное лицо при выборе поставщика товаров или услуг выбирает определённое предложение и за это получает от поставщика вознаграждение в виде фиксированной суммы или процента от суммы сделки. По сути своей «откат» является одним из самых распространённых видов взятки в России, т.е. изначально противоправным деянием. Но при этом он неразрывно связан с рассмотренными выше явлениями, т.к. для его реализации необходимо не только резервирование предназначенных для этого средств (посредством уклонения от налогообложения или экспорта капитала в оффшорную компанию), но и обналичивание высвободившихся средств. Т.к. движение безналичных средств легко отслеживается. А со стороны получателя «отката» предполагается

легализация полученных им денег. Хотя в частном случае «откат» может иметь и натуральную форму (например, квартира в построенном с разрешения чиновника доме, автомобиль или выделение земельного участка под усадьбу).

А выбор бизнесом своей стратегии поведения в постоянно меняющихся условиях основывается на сравнении издержек, связанных с тем или иным сценарием его поведения. Каждая сделка в законном секторе экономики имеет определенную цену. Эту цену можно рассчитать, исходя из стоимости товара или услуги, а также правовой среды. В незаконном секторе экономики цена сделки будет варьироваться в зависимости от тяжести ответственности за преступление, от сложности сокрытия доходов от такого преступления [22, с. 208]. А также от возможной потенциальной прибыли от сделки – размер взятки, к примеру, за выделение земельного участка под строительство будет определяться, в том числе, и будущей прибылью от объектов строительства (торговый центр или жилой дом). Именно сравнительные издержки выступают мотиватором, механизмом принятия (выбора) решения бизнесом.

Теория трансакционных издержек позволяет комплексно оценить возможные затраты бизнеса и шире взглянуть на его мотивацию и критерии его выбора. Трансакция – это любая передача или отчуждение права распоряжения имуществом или услугой в процессе обмена между двумя и более участниками договора. Движущей силой подобных процессов в рамках экономической теории выступает, в первую очередь, эффективность, направленная на бережливое и рациональное использование ограниченных ресурсов. Ограниченными могут быть не только производственные факторы, но и средства на организацию и проведение обмена, в частности – время.

Трансакционные издержки – затраты, возникающие в связи с заключением контрактов (в т.ч. с использованием рыночных механизмов); сопровождают взаимоотношения экономических агентов; не только издержки обмена, но и *издержки функционирования хозяйственного механизма*; это издержки по передаче прав собственности, они отражают *издержки взаимодействия* в

экономической среде сверх основных затрат на производство и обращение; являются одним из центральных понятий новой институциональной экономики.

Трансакционными являются операционные издержки частных фирм по организации своей деятельности и взаимодействия в данной экономической среде сверх основных затрат на производство и обращение – расходы, связанные с организацией (регистрацией) дела, получением информации, ведением переговоров, поиском поставщиков, заключением и оформлением контрактов, лицензий, обеспечением прав собственности, юридической защиты, преодолением оппортунистического поведения и барьеров входа на рынок.

Трансакция считается эффективной, если выбранная ею участниками форма договора приводит к наименьшей сумме производственных и трансакционных издержек. При этом издержки не всегда и не только могут быть измерены деньгами. Как считает профессор А.В. Шашкова: «...становится очевидным, что традиционная система количественного измерения материальных, трудовых и финансовых затрат и объемов произведенной продукции устарела, поскольку возникает необходимость в преимущественно качественных характеристиках эффективности» [21, с. 106]. Можно добавить, что затраты времени, сил, нервов (к примеру, на подготовку и «проталкивание» своей документации законным путём) для бизнеса начинают выступать на первый план и становятся несопоставимо больше (по его – бизнеса – качественной, интуитивной оценке), чем денежные затраты на взятку для решения вопроса «без проблем».

И возникает вопрос: это вина или беда бизнеса, вынужденного идти коррупционным путём, сравнивая свои возможные затраты (издержки) и выбирая оптимальный для себя способ решения проблемы и достижения цели?

Второй путь для бизнеса, выражающийся в стремлении к сохранению своих доходов, имущества и перспектив развития (а подчас и просто существования) может быть связан с таким инструментом, как офшор, уже и так являющимся институтом современной экономической структуры многих государств, в т.ч. и России. В какой-то степени и вывоз капитал, и «уход» элиты из России, вспомним слова З. Бжезинского, являются следствием желания и стремления

отстраниться, заслониться, защититься от вымогательств со стороны коррупционеров.

При этом оба возможные пути, оба варианта выбора бизнесом своей стратегии могут тесно переплетаться, а защитные механизмы типа офшора могут использоваться и для коррупционных целей – для вывоза капитала не в личных целях (покупки жилой недвижимости, оплаты обучения своих детей и т. д.), а для обналачивания и легализации денежных средств в целях последующего их использования для подкупа и взяток.

III. Об инструментах, их «вреде» и «вине»

Даже история возникновения института офшора связана с отмыванием криминальных денег. Свою роль в развитии оффшорных зон сыграла, в частности, необходимость «отмывания» денег, «запачканных» во время Второй мировой войны. Многие большие корпорации, занимавшиеся во время войны махинациями в области финансирования разведывательных, карательных и прочих операций, были вынуждены скрывать свои доходы. Те капиталы, которые, так или иначе, выступали на стороне III Рейха, также не исчезли, а, наоборот, приумножались и были вынуждены легализоваться.

После окончания войны многие правительства стали пересматривать свое налоговое законодательство в сторону увеличения налогового бремени. Естественно, что многие промышленные гиганты не были готовы отдавать ощутимую долю своей прибыли.

Однако современная история офшорного бизнеса началась во второй половине XX в. при активном участии Соединенного Королевства. В 1960-х гг. активизировались английские налогоплательщики, которые стремились минимизировать свои налоговые платежи. Британские офшорные центры стали развиваться в 1960-е годы как налоговые убежища для состоятельных британцев, которые стремились уклониться от уплаты налогов, составлявших тогда 50–70%. В роли таких центров выступали небольшие островные государства – бывшие колониальные владения или зависимые территории Британии. Так получило толчок в своём развитии множество островных стран или до сих пор зависимых

территорий. Путем негласных договоренностей законодательство этих стран было приведено к максимальной либерализации налогового бремени и валютного контроля. В эти страны были инвестированы немалые капиталы, например, в телекоммуникации, и стремительно развилась сфера услуг по регистрации и обслуживанию офшорных компаний и банков.

Рост транснациональных корпораций и развитие международных рынков ссудных и производительных капиталов, а также научно-технический прогресс сыграли в развитии офшорного бизнеса решающую роль. В свое время британский Foreign Office даже специально рекомендовал островам Тюркс и Кайкос превратиться в налоговый рай, чтобы привлечь иностранный капитал и обеспечить себе быстрый экономический рост.

По мере развития мировой экономики все большее число стран стало создавать на своей территории офшорные зоны, привлекая финансовые организации и частных лиц меньшими налогами, минимальным регулированием предпринимательской деятельности и строгими законами о конфиденциальности, надежно закрывающими двери перед расследованиями.

С годами необходимость в областях, максимально способствующих свободному бизнесу, только росла – офшоры начали появляться во всех подходящих точках Европы и Америки, от Бангкока до Гибралтара. Наиболее традиционным видом деятельности в налоговых гаванях длительное время было управление судходными компаниями, использующими удобный флаг (Либерия, Панама, Кипр), однако в процессе глобализации мирохозяйственных связей на первое место стали выходить офшорные банки, страховые и инвестиционные компании, активы которых состоят из ценных бумаг.

В настоящее время существенно увеличилось число стран, резиденты которых стремятся надежно сокрыть от посторонних глаз принадлежащие им активы (и деятельность) и не желают делиться доходами с собственным правительством, как в виде налогов, так и в виде взяток. Значительно удлинился и перечень причин, которые привлекают их в офшорный бизнес.

Если проанализировать направления развития офшорного бизнеса в нашей стране, то следует отметить, что в России, как и во всем мире, использованием офшорных структур стремятся обеспечить *защиту активов*, имущественное планирование и обеспечение конфиденциальности. При этом в качестве самостоятельного направления использования офшорных компаний российскими гражданами и предприятиями следует выделить вывоз капиталов за рубеж и отмывание «грязных» денег, в том числе бюджетных, т.н. «распиленных» теми, кто по долгу службы имеет доступ к распределению и/или контролю за расходованием этих бюджетных средств. Следует отметить, что чаще всего вывоз капитала и отмывание «грязных» денег являются двумя взаимосвязанными элементами одного и того же процесса.

И немудрено, что за офшорами (офшорными зонами) прочно закрепляется репутация территорий, услугами которых пользуются не столько ради снижения налогов, сколько ради отмывания нечестно заработанных денег. Главной налоговой гаванью российских клиентов в 1990-х годах стал Кипр, где было зарегистрировано почти 60% всех российских офшорных капиталов. Оффшорная банковская индустрия Кипра всегда специализировалась на обслуживании арабских, югославских денег и денег из стран СНГ. Но со временем основной банковской системы Кипра стали российские капиталы.

И всё бы ничего, всё в рамках закона, даже более того – международная жизнь бьёт ключом: «Делегации города Москвы из 8 человек командирована мэром Москвы на Кипр для проведения в городе Никосия с 22 по 24 января 2009 года Московско-кипрского инвестиционного форума в целях развития внешнеэкономических связей Москвы с кипрскими партнерами» [7]. А 28 октября 2009 г. «Мэр Москвы встретился с председателем Палаты представителей республики Кипр. Обсуждались вопросы торгово-экономического сотрудничества, в прошлом году по объему финансовых вложений в экономику российской столицы Кипр вышел на первое место среди других инвесторов, объем московских инвестиций в республику составляет более \$5 млрд.» [25]. И, конечно же, не вызывает никаких сомнений, что приглашённая Ю.М. Лужковым именно

кипрская компания, как никто, лучше всех может знать специфику грунтов, пластов земли и водяных слоёв при строительстве в нашей столице: «... вот два миллиона восемьсот тридцать тысяч, а вот еще восемьсот тридцать тысяч и тут за кипрскую компанию подписывается киприот Андрей Батурич. <...> Ведь не думает же Лужков, что киприоты, в данном случае, киприот Батурич, консультируют московскую стройку на миллионы долларов» [5]. Но вдруг оказывается, что (совершенно случайно, безо всякой связи с коррупцией) принадлежавшие правительству Москвы 12,76 млрд. руб. оказались на Кипре на личных счетах жены Ю.М. Лужкова [8], а «Арбитражный суд Никосии наложил арест на активы Керимова, Ротенберга, Лужкова и еще ряда физических и юридических лиц» [9]. И дело совсем не в том, что «кое-где», «у нас порой», «в качестве исключения», «в виде отдельных недостатков», «иногда» мы можем узнавать о подобных фактах, а в том, что до сих пор, уже сейчас, в период (так и хочется сказать «сезонного») обострения борьбы с коррупцией *не было никаких вопросов у государства* (в лице его правоохранительных структур) ни к г-ну Лужкову (полному кавалеру Ордена «За заслуги перед Отечеством» *уже* в 2016 г.!), уже, к сожалению, почившему, ни к г-же Батуриной, ни к бывшему министру обороны г-ну Сердюкову, ни к г-ну В.И. Ресину, который после ухода с должности стал не только депутатом Государственной Думы, но и консультантом мэра С.С. Собянина.

Конечно же, нет сомнений, что г-н Ресин уже смог многому научить мэра и его подчинённых, что мы и видим на повсеместно захлестнувшем Москву долготное и «закапывании» бюджетных денег. И продолжает себе сейчас г-жа Батурина спокойно развивать *именно на Кипре* проекты, связанные с элитной коммерческой недвижимостью, а их с Лужковым дочь получает гражданство Кипра [23]. Но основной удар получает при этом бизнес – простой, не защищённый, не аффилированный с властью (вспомним приведенные выше цифры Б. Титова). А ведь неотвратимость наказания – это залог и эффективности принимаемых государством мер, и залог успеха в борьбе непосредственно с коррупцией, и залог доверия общества к государству в целом.

Однако в настоящее время в мире происходят значительные изменения, связанные с изменениями экономическими и геополитическими. Прежде всего, это создание Евросоюза, большинство стран которого являются приверженцами весьма жёстких требований к налоговому и финансовому контролю (как, например, Германия). Нормативная база Евросоюза и требования к его членам сформулированы так, что все члены и потенциальные претенденты на вступление в это объединение должны отказаться от своего офшорного статуса. В результате, такие европейские страны, как тот же Кипр, Ирландия или Мальта были вынуждены свернуть все свои офшорные в классическом виде услуги и льготы. Кипр, в частности, уравнивал налогообложение резидентных и нерезидентных компаний, весьма сузив их в размере предоставляемых льгот, или территориально – сведя к особенностям банальных «свободных экономических зон» (СЭЗ), как Шеннон в Ирландии.

Помимо налоговых льгот, весьма сильному давлению в Евросоюзе и Европе в целом подвергся вопрос конфиденциальности. Подавляющее большинство европейских юрисдикций являются членами Европейского Союза, на территории которого применяются общие директивы и иные нормативные акты, например директивы, обязывающие банки и иные организации раскрывать информацию о своих клиентах. Однако, такие государства, как Швейцария, Лихтенштейн, Австрия и Нидерланды применяют данные директивы с оговорками, в результате чего имеют высокую степень защищенности информации, в том числе и в отношении её раскрытия третьим лицам и государственным органам. Однако, несмотря на усиленное сопротивление (например, Швейцарии, Нидерландов или Лихтенштейна), само такое давление и направление происходящих изменений – как фактор и фактор новый – не учитывать просто нельзя.

В добавок, присоединение к КНР Гонконга и Макао, ликвидация их колониального статуса и подведение этих территорий под юрисдикцию КНР привело и в Азии к тому же самому, что и европейские офшорные зоны – теперь это всего лишь зоны с особым режимом для привлекаемых на эту территорию предпринимателей (т.е. разновидности СЭЗ), а не офшорные зоны для тех, кто туда и не

собирался. Китайский принцип «одна страна – две системы» практически уравнял эти зоны с условиями бизнеса на острове Хайнань, который всегда был китайским.

И кроме всего прочего, оставшиеся классические и традиционные офшорные зоны Карибского бассейна, такие как Багамские острова, Панама, Бермуды (да и Британские Вирджинские острова тоже) испытывают сильнейшее давление своего мощного континентального соседа. США под прикрытием лозунга «борьбы с терроризмом», которым оправдывается всё, начиная с войны в Ираке и кончая плохим настроением своего президента, всяческими перечнями «неблагонадёжных стран регистрации», списками зон отправки подозрительных платежей и прочим «вниманием» стараются усложнить использование офшорных зон.

Стараются не отставать от зарубежных партнёров и наши отечественные налоговики и финансисты; однако это у них получается подчас безуспешно по вполне понятным причинам – «Пчёлы против мёда!». Ведь строго спрашивать с чиновников, разрабатывающих, принимающих и контролирующих исполнение данных нормативных актов это то же самое, что поручить лисе навести порядок в курятнике. Россия всё же пытается подражать примеру Европы, определив перечень офшорных юрисдикций. Имеются в виду «черные списки» таких международных организаций на основе данных ОЭСР и FATF (Financial Action Task Force – Международная группа по борьбе с отмыванием доходов), с повышенным контролем в той или иной форме за компаниями из данных юрисдикций.

Основная цель таких мероприятий – ограничить вывоз незаконного капитала из России по контрактам, обладающим признаками фиктивности. К документам такой направленности можно отнести Указание ЦБ РФ от 12.02.99 г. №500-У «Об усилении валютного контроля со стороны уполномоченных банков за правомерностью осуществления их клиентами валютных операций и о порядке применения мер воздействия к уполномоченным банкам за нарушение валютного законодательства». С 01.01.08 вступил в силу Приказ Минфина от 13.11.07 г. №108Н «Об утверждении перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не

предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)». В данный список вошли не только классические офшоры, такие как Британские Виргинские острова, Каймановы острова и так далее, но и Кипр (впоследствии, правда, исключённый из этого списка), и такая европейская юрисдикция с высокой мировой репутацией как Лихтенштейн. Однако полного запрета на операции с компаниями этих стран нет.

Потому что офшорные компании по сути своей ничем не отличаются от любых других иностранных компаний. И хотя отдельные штаты США со льготным налогообложением и небольшими затратами на регистрацию не относятся к офшорным зонам, но, к примеру, большинство крупных и крупнейших корпораций США зарегистрированы в штате Делавэр (ставшим уже одиозным в финансовых кругах), даже если они и расположены в других штатах [17]. Там же, например, зарегистрировал свою компанию Kasparov Chess Online Inc и Гарри Каспаров [6, с. 15].

Таким образом, и офшорные компании, и «обналичка», и экспорт капитала – это только инструменты, такие же, как, к примеру, молоток, кухонный нож или сковорода. И сами по себе они не являются и не могут являться чем-то преступным, запрещённым или незаконным. Они, как и всякие иные инструменты, приобретают криминальный характер только в зависимости от целей и назначения их использования, только как «орудия преступления». При этом вполне респектабельные компании могут быть зарегистрированы в Делавэре, на Кипре или, к примеру, в Панаме. А компании «престижных» стран регистрации – Нидерландов, Люксембурга, Китая (Гонконг) и т. д. – могут быть использованы в криминальных схемах для коррупционных целей. Гораздо продуктивней и эффективней в деле борьбы государства с коррупцией было бы, если бы государство присматривалось (и «возникали бы вопросы») не к самим подобного рода инструментам, а к широко всем известным лицам, использующим эти инструменты.

Но этот новый фактор – ужесточение условий, трансформация и изменения в последнее время офшорной сферы вообще и конкретных офшорных зон в частности – вносит, всё же, свои особенности и выдвигает требования, заставляя заинтересованных лиц приспосабливаться и учитывать новые тенденции и происходящие процессы.

Заключение

Противостояние государства и бизнеса не только продолжается – с переменным успехом, локальными победами каждой из сторон, отступлениями и атаками, – но ещё и будет продолжаться, пока существует мир. Это вполне понятно и объяснимо – ведь когда речь идёт о деньгах, схватка идёт не на жизнь, а на смерть. При этом конфликт интересов и противостояние государства и бизнеса носят *экзистенциальный характер*. А государство и бизнес, как два субъекта, института, имеют *диалектическую взаимосвязь*. С одной стороны, бизнес не может существовать без государства, без чётко установленных им «правил игры», законов, норм, судов и санкций, без тех же самых, государством установленных, форм юридических лиц, в конце концов. А государство не может существовать без налогов, без средств на обслуживание интересов и обеспечение потребностей непродовольственной части населения (общества). С другой стороны, безгранично алчный бизнес в своём стремлении не дать государству (в идеале) ничего, в своих попытках сокрытия, уменьшения, вывоза из страны и т. д. «положенного к отчислению» или налогообложению представляет нешуточную угрозу самим основам существования государства, его нормальному, полноценному (с финансовой точки зрения) функционированию. А государство – со всей своей репрессивной мощью – представляет угрозу не только доходам, имуществу, «кровно заработанному непосильным трудом», активам бизнеса, но и самому бизнесу, как таковому, его существованию – не только для отдельных предпринимателей, но и для системы, института бизнеса в целом. К примеру, в условиях полного огосударствления при социализме бизнес преследовался по закону и выжигался калёным железом во всех своих проявлениях – не

только в лице «цеховиков», но даже в лице «бомбил» – мелких частных извозчиков.

Поэтому бизнес *не может* не чувствовать, не помнить, не ощущать этой постоянно висящей над ним «смертельной», экзистенциальной угрозы – угрозы полного уничтожения просто по мановению руки государства в любой момент. Потому что эти два субъекта находятся в неравном положении – государство в положении диктатора, а бизнес в положении подчинённого; они изначально неравны в своих позициях и правах. Диспозиция государства и бизнеса – наглядный, очевидный пример трансакции управления, зависимости, подчинения. При всём возможном сопротивлении бизнеса. Потому и противостояние это практически бесконечно и неразрешимо в условиях, пока существуют и сосуществуют сами эти два субъекта, два институциональных пространства – бизнес и государство. И чем совершенней становятся инструменты и методы предпринимателей, тем жёстче и изощрённей становится реакция государства – то, что с успехом работало вчера и работает сегодня, может оказаться под запретом или жесткой регламентацией в ближайшее время.

А это, в свою очередь, вызывает необходимость дальнейшего развития и совершенствования всего набора инструментов, применяемых бизнесом, включая такое ключевое звено этого инструментария, как офшор.

Соотношение сил государства и бизнеса находится в динамическом балансе, в динамическом равновесии с отклонениями в ту или иную сторону в зависимости от экономических и законодательных условий в тот или иной исторический период. Но как бы ни старалось государство полностью поставить под контроль и подчинить себе предпринимательскую активность, «наложить лапу» на все доходы предпринимателей, последние, являясь наиболее мобильной и креативной частью общества, а в сфере бизнеса иные и не смогли бы выжить и укрепиться, и, обладая «генетической памятью» о репрессиях против этой креативной части общества, всегда будут стремиться к сохранению и своего существования, и своих доходов, как основы этого существования. Для этого бизнес найдёт возможности и создаст в т.ч. новые инструменты, среди которых в настоящее время

достойное место занимает, и в обозримой перспективе ещё будет занимать офшор. И, несмотря на все указанные и многие другие трудности (ужесточение внутригосударственных национальных законодательств, к примеру), развитие и использование оффшорных зон продолжается весьма успешно и перспективы этого процесса представляются весьма устойчивыми и долговечными, поскольку, *до тех пор, пока существуют налоги, пока существует диктат государства, не оскудеет и творческая мысль по их обходу и минимизации.*

Список литературы

1. ФЗ от 25.12.08 N 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции» ст. 1. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

2. Указание ЦБ РФ от 12.02.1999 г. №500-У «Об усилении валютного контроля со стороны уполномоченных банков за правомерностью осуществления их клиентами валютных операций и о порядке применения мер воздействия к уполномоченным банкам за нарушение валютного законодательства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.alta.ru/tamdoc/99cb0500/

3. Приказ Минфина от 13.11.2007 г. №108Н «Об утверждении перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73100/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/

4. Волеводз А.Г. Политологические проблемы отмывания незаконных доходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/politologicheskie-problemy-otmyvaniya-nezakonnyh-dohodov

5. Доренко С.Л. Программа 12 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: web.archive.org/web/20100222053023/http://www.harpia.ru/dorenko/Dorenko-1999-12-12.htm

6. Доспехов А. Гарри Каспаров не сядет за доску в Израиле // Газета «Коммерсантъ». – 2003. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/1300596
7. ИА МОССОВЕТ, 21.01.09. Лужков распорядился командировать председателя Мосгордумы на Кипр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mossovetinfo.ru/news/vlast/luzhkov_rasporyadilsya_komandirovat_predsdatelya_mosgordumy_na_kipr/
8. ИА «Росбалт», 17.02.11. Бюджетные миллиарды ушли к Батуриной в офшор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosbalt.ru/moscow/2011/02/17/820564.html
9. Интернет журнал «Биржевой лидер», 23.09.10. За что арестовали активы Керимова и Лужкова? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.profi-forex.org/novosti-dnja/entry1008055356.html
10. Исследование Global Financial Integrity: Россия: нелегальные финансовые потоки и роль теневой экономики // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gtmarket.ru/news/2013/02/13/5411
11. Катасонов В.Ю. FATCA: о чьих интересах хлопочут российские власти? // КМ.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: geosh.ru/fatca-o-chix-interesax-xlopochut-rossijskie-vlasti.html
12. «Клерк». 18.12.2013, 12:36. За 9 месяцев вывоз «сомнительного» капитала из РФ достиг 22 млрд. долларов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.klerk.ru/bank/news/349024/
13. Новак Б.В. Взятка и откат. СПб: Издательский дом «Питер», 2008. – С. 180.
14. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 180.
15. РБК, 05.02.19. Росстат впервые раскрыл долю малого и среднего бизнеса в экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5948c59a794758389cfd7

16. Сайт Департамента корпораций штата Делавэр. Архивная копия от 7 апреля 2007 г. на Wayback Machine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: corp.delaware.gov/

17. Титов Б.Ю. 80% дел против бизнесменов не доходит до суда, но никто не возместит репутацию и разрушенный бизнес // Первое антикоррупционное СМИ, 07.02.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rasmi.ru/archive/202995/

18. Титов Б.Ю. Борис Титов доложит президенту о 284 проблемах предпринимателей // Ведомости, 22.05.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/22/770214-titov-o-problemah-predprinimatelei

19. Чурзина И.В. Основы институциональной экономики / И.В. Чурзина, В.Н. Ковнир. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. – С. 252.

20. Шашкова А.В. Политические аспекты противодействия отмыванию незаконных доходов и коррупции в контексте взаимодействия государства и корпораций. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, 2018. – С. 653.

21. Шашкова А.В. Теории экономической оценки незаконной легализации (отмывания) преступных доходов: материалы XVIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых и студентов. – Тобольск-Тюмень, 2010. – С. 207–209.

22. Языков В. Жена Лужкова продает квартиры на Кипре, «Cyprus Butterfly Exclusive Production LTD», 08.11.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyprusbutterfly.com.cy/news/luzhkovs-wife-sells-apartments-in-cyprus

23. Msciandro D. Analisi Economica della Criminalita, Teoria della Regolamentazione e Riciclaggio Finanziario, in Mercanti Illegali e Mafia // Il Mulino. 2007. – P. 243–297.

24. Newstube, 28.10.09. Лужков встретился с представителями республики Кипр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.newstube.ru/media/luzhkov-vstretilsya-s-predstavatelyami-respubliki-kipr

25. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action, Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – С.736.

26. REGNUM, 15.05.17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: regnum.ru/news/2274752.html

Бодров Алексей Геннадьевич – адвокат, НП АБ «Международное», Москва, Россия.
